

А.А. Сурво

Тартуский университет
Юликооли, 18, Тарту, 50090, Эстония
E-mail: arno.survo@suomi24.fi

БЪЯРМИЙСКИЕ ТРОПЫ ПОЭТИКИ. МИФОЛОГЕМА ПЕРВОПРОХОДЦА ФИНСКОЙ МЕТАГЕОГРАФИИ¹

Рассматриваются истоки и интерпретации мифологемы первоходца в финляндской культуре. Мифологема сформировалась на смысловом пересечении поэзии и традиционных архетипов. Литературные истоки мифологемы первоходца обнаруживаются в творчестве Й.Л. Рунеберга и стихотворении О. Маннинена «Человек лесов» (1902). Человек лесов уходит от людей в безмолвную пущу и становится ее абсолютным владыкой. Но однажды река приносит стружку. Герой отправляется в далекий путь к верховьям течения, чтобы избавиться от чужого присутствия: встречается, пришибает насмерть. Индексальным лаконизмом тропов произведение родственно древним заклинательным формулам. В литературном финском языке информационное пространство структурировано согласно дефиниции *kirjoitustaito*, умение писать, и *lukutaito*, умение читать. Определения заимствованы из традиционной модели освоения символического пространства, в которой *lukea* означает читать заговор, а *kirjottaa* — орнаментировать. Культурной дихотомией обусловлено квазисословное деление на производителей и потребителей текстов. Ницшеанская идея стихотворения О. Маннинена апеллирует к традиционному архетипу, к неразделимости процесса создания знака и его интерпретации, «чтения» и «письма». Литературные перекодировки образа первоходца сопутствовали осмыслению культурных и метагеографических границ Финляндии. Мифология человека лесов широко представлена трудами С. Паулахарью, в поэтической прозе которого переплетаются история и этнография. Квазисословная специфика информационного пространства нашла отражение в бьярмийских тропах «красного» и «белого» изводов Великой Финляндии.

Ключевые слова: мифологема человека лесов, традиционные архетипы, метагеография, Рунеберг, Маннинен, Великая Финляндия.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-106-117

Трилогия «Здесь под Полярной звездой» могла начинаться полной аллюзией на библейское первоначало: *Alussa oli suo, kuokka ja Jukka*. В начале было болото, мотыга и Юкка. Повествователь все же обособляет первоходца, знаком тире противопоставляя его возможности освоения ландшафта: «В начале были болото, мотыга — и Юкка» [Linna, 1959–1962; Линна, 1963]. В финском *ajatusviiva*, тире, — мысленная черта, мыслечерта. В русском языке знак тире прежде именовался молчанкой, чертой, знаком мыслетделительным [Моисеев, 1989]. Нивелиром множественного числа задается дособытийность исходной ситуации повествования. Первоходцу предстоит доказать, что он достоин сингулярности, деланием претворив мысль в слово, природный хаос — в освоенную реальность. Попытка иронизировать на библейский мотив от осознания бытийной обреченности искать свое местоположение в звездной карте Севера.

Рождение мифологемы

Истоки мифологии финляндского первоходчества — в стихотворении Й.Л. Рунеберга «Пааво из Саариярви», поначалу опубликованного без названия в разделе «Идиллии и эпиграммы» первого сборника стихов [Runeberg, 1830, s. 120–122]. Чуть позднее поэт контекстуализирует строки в очерке «О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа в приходе Саариярви»:

«Легко представить себе, какова там жизнь, когда по достоверным сведениям, недавно, в один очень холодный год, только на двух дворах в целом приходе был ржаной или ячменный хлеб. Слова: “он круглый год ест чистый хлеб”, и “он неимоверно богат” значат там одно и то

¹ Работа выполнена в рамках проекта ERA.Net RUS Plus программы № 189 (CORUNO).

же. <...> Раз я во время охоты зашел отдохнуть в избу. Она была наполнена детьми и взрослыми разных лет. Возле печки нанизано было на шестах множество темно-желтых кусков похожих на лоскутья желтой кожи. Не рассмотрев их вблизи, я спросил, что это такое и что с этим делают? Хозяин отвечал: “Добрый господин, из этого будет хлеб”. Слов тут было не много; но в тоне их заключался раздирающий смысл: разве ты этого не знаешь?» [Рунеберг, 1832/2004b, с. 186].

Полноценная символическая перекодировка мифологеми произошла в стихотворении О. Маннинена «Metsien mies» («Человек лесов») [Manninen, 1902]. Человек лесов создан властителем вековой пуши. Он покидает людской мир, отправляется в дорогу, и только лес дремучий знает — куда. Сквозь безмолвные чащи лежит неизмеримый путь, по стремнине вод бурлящих мчит сосновая лодка. Все края света открыты могучему герою. Не блуждает он там, где даже лесные обитатели теряются. Не сворачивая, правит свой путь, гонимый человеческой волей. Никого другого не признает, не знает... Великая река приносит стружку, вторую — в сосновых хорах чуждых сил движенье. Человек лесов идет многими утрами, вечерами; находит осквернителя подворья: встречает, пришибает насмерть.

В. Ивановым стихотворение было переведено для «Сборника финляндской литературы» [Маннинен, 1917]. Индивидуализм «Пустынножителя лесов» не сравним с императивом оригинала, но интерес представляет сам факт появления сборника в пропагандистском издательстве «Парус».

Идея стихотворения возникла в разговоре О. Маннинена с Э. Лейно. Во время ресторанной беседы поэтам вспомнился рассказ об обитавшем в лесной глуши колонисте, который не признавал людского присутствия. Заметив однажды проплывавшую по реке стружку, он за много верст отправился к верховьям течения, нашел непрошенного соседа и зарубил его топором. Поэты решили написать каждый свой вариант текста для обсуждения впоследствии. Стихотворение О. Маннинена было готово уже на следующее утро, и Э. Лейно осталось лишь признать: «Ну что ж я буду писать второй стих, раз здесь уже все сказано» [Tarkiainen, 1948; Lyly, 1967].

Недавнее исследование генезиса текстов сборника «Искры», в который был включен «Metsien mies», к скупым сведениям о стихотворении добавляет лишь тот факт, что в рукописи указан вариант одного из глаголов [Manninen, 1905; Karhu, 2012, s. 95].

Современники оценили произведение. Среди рецензий на сборник выделяется шведоязычная, где был приведен полный текст стиха [О.Н., 1905], что необычно само по себе. Послание явно адресовалось оппонентам, называвшим финнов *воображаемой, несуществующей публикой* (*imaginär publik*): «...утверждается, что “фенноманы” пишут исключительно [для] “fög en imaginär publik”, и тем самым выражается тоска по прежним временам, когда финская литература была настолько смиренна и невинна, что ее не следовало воспринимать всерьез» [К.В., 1870, s. 26]. Дискуссия 1870-х гг. продолжала сохранять перманентную актуальность по прошествии десятилетий.

В. Войгт отмечает, что становление и динамика развития семиотических школ во многом обусловлены определенными историко-культурными реалиями и этническими контекстами. В текстах просветителя М. Агриколы (ок. 1510–1557) присутствуют слово *merkki* ‘знак’ и множество производных от него, что говорит о распространенности данного понятия уже в тот исторический период. Этому заимствованию из шведского языка В. Войгт противопоставляет протолексему **jälke* (‘след (обычно животного)’) < финск. *jälki*; венг. *jel/jegy*), восходящую к охотничьей культуре и являющуюся, таким образом, «естественной» и более древней категорией, чем имеющие «искусственное» происхождение *séma* и *signum* [Voigt, 2010].

Литературный финский язык не знает слова *грамотность*. Информационное пространство функционирует на основе дефиниции *kirjoitustaito*, *умение писать*, и *lukutaito*, *умение читать*, чем обусловлено квазисловное деление на производителей и потребителей текстов. Определения заимствованы из традиционной модели освоения символического пространства, в которой *lukea* (совр. *читать*) означает *читать заговор*, а *kirjoittaa* (совр. *писать*) — *орнаментировать*, что в совокупности составляет *неразрывный процесс творения-интерпретации знака*. Динамика охотничьего быта не оставляет времени для излишнего овеществления знаков и не нуждается в таковом. О. Маннинен отправляет героя во вне сложившейся культурной дихотомии. В охотничьей контрсемиотике *следа* умение читать знаки неотделимо от необходимости означивать [Сурво, 2015, с. 131–133]. Ницшеанская новизна «Человека лесов» оставляла позади и прекраснородушную поэтику финноязычных романтиков, и служившие примером для подражания шведские образцы.

Metsien mies буквально означает *мужчину лесов*. В финском языке отсутствует грамматическая категория рода, что восполняется контекстуальной информацией (например, собеседник находится в поле зрения; в иных случаях характеристикой является голос, имя и т.д.). Буквальный перевод был бы неадекватным. Первопроходец — единственный человек в осваиваемом пространстве; на лесной тропе гендерная проблематика дособытийна. Формальная тавтология манниненского определения *metsien mies* обусловлена выбором лексем согласно аллитеративному принципу рун калевальской метрики.

В процессе семиозиса культуры первопроходническая мифологема является ключевой: юнгеровская стереоскопичность преодолевает разрыв между мифическим и рациональным мировосприятием ([Юнгер, 1938/2004]; см.: [Михайловский, 2010, с. 80]). Во вступительном очерке «Сборника финляндской литературы» В. Таркиайнен отмечает «совершенно особый путь», избранный О. Манниненом, «редкую красоту формы» его стихотворений: «Он выпустил в свет только два сборника “Искры” (1905 и 1910), но в них чувствуется подлинная поэзия. (...) Он не национальный поэт, не народный певец. Его язык доведен до возможного лаконизма. Маннинен не изображает, а только отмечает проходящие перед ним мгновения движения, краски и звуки и предоставляет читателю пополнить картину в своем воображении» [Таркиайнен, 1917, с. 84–85]. Смысловую энергетику стихотворения можно было бы сравнить с прочтением «Преступления и наказания» в предельно краткой стихотворной форме, когда исповедальная риторика и прочие сюжетные декорации излишни в постановке проблемы бытийного права. Идея стиха архетипична: «В примитивном естественном самоощущении я и другой слиты. Здесь еще нет ни эгоизма, ни альтруизма» [Бахтин, 1943/1997, с. 71]. Произведение родственно рунам в их исконной, заклинательной ипостаси. В заклинании не спрашивается, как силен противник, где он; все определяется способностью *читать-означивать*, ответом на вопрос, кто он. Пространственные тексты заговоров, известные по эпосу «Калевала», представляют собой вторичное народное творчество. Наиболее древними являются немногословные *dialogiloitsut*, *заклинания-диалоги* (вопрос — ответ — решение проблемы), которым своей намеренной немногословностью и многосмыслием родственна загадка: загадка может иметь несколько ответов или, напротив, ответ служит ключом для множества загадок; бывают загадки вообще без ответов (см.: [Kõiva, 1983; Цивьян, 1994, с. 178; Survo, 2001, s. 133–137]). Традиционный минимализм оперирует дознаковой индексальностью архетипов, не нуждаясь в словесном украшателстве. Стих О. Маннинена одномоментно раскрывается семиотической образностью различных и подчас противоречащих друг другу смысловых континуумов. Ограниченность рамками статьи позволяет рассмотреть лишь один из аспектов манифестации мифологемой этнических маргиналий, в которых двуликость культурного пространства обращена в прошлое и будущее.

Из истории колонизации истории

Под полноценной финляндской грамотностью подразумевается *valistuneisuus*, *просвещенность*. Однако просвещенность идеями, генерируемыми иными культурными пространствами, дает их носителям всего лишь право на статус *умеющих читать*, и переход в состояние *умеющих писать* требует конструирования внутрикультурной аудитории, по отношению к которой это умение обретает смысл. Но мода на идеи преходяща; элита в очередной раз оказывается в роли адресатов, что вызывает переформатирование аудитории согласно изменившимся цивилизационным требованиям.

Стихотворение О. Маннинена появилось на пике (э)миграционной динамики. Финляндия переживала беспрецедентный рост населения. При наследовании земельные наделы доставались одному собственнику, остальные члены многодетных семей были вынуждены иначе устраивать свою жизнь, в то время как промышленность не могла предоставить достаточного количества рабочих мест. В финляндской прессе конца XIX — начала XX в. активно обсуждалась возможность освоения лапландских болот. Романтизация первопроходничества была тщетной, заселения тундры не случилось. Массы простонародья покидали семиотические пределы национал-романтизма, необходимость в актуальной объединяющей идее породила «красно-белый» коллаборационизм. Маргиналы возглавили разрыв с национал-романтическим прошлым, мифологизировав его стереотипами о «тюрьме народов» и «угнетении». В современных интерпретациях не обнаруживается особого творческого новаторства. В единых списках фигурируют жертвы репрессий советского периода, жертвы жертв и т.д., и все они каким-то

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема первопроходца финской метагеографии

странным образом оказываются пострадавшими «за финскую национальность». Но такова плата за ангажированность в «умении писать».

Дореволюционная аграрная реальность представляла собой символическое средство производства потенциальной аудитории для тех или иных идей. За время автономии население Финляндии выросло в три раза, массовая эмиграция конца XIX — начала XX в. лишь отчасти разрешала демографическую проблему и социальные противоречия, в то время как социал-демократия выполняла риторические функции, а классовое сознание масс было малосущественным. Идеологическая неопределенность усиливалась внутриэлитной конкуренцией за квазисословную статусность, что нашло продолжение в великофинляндских вариациях. Мобилизирующую роль в процессе творения-интерпретации пределов жизненного пространства сыграли архетипы охотничьей контрсемиотики.

Девственные дебри этнографии

Классикой первопроходческого жанра стали сочинения этнографа С. Паулахарью. В поэтической прозе ученого неразрывно переплетаются история и этнография, синтезируясь в актуальную мифологию пространства. Лесные дебри хранили могилы отважных воинов Северной войны, воспетых поэзией Рунеберга. Они боролись с москвитями под предводительством смелого короля Карла. В глазах своих ратников тот тоже был настоящим человеком лесов. Не менее суровые реалии мирных времен требовали титанического труда, не оставлявшего лишнего времени даже мыслям о душе [Paulaharju, 1930, s. 43, 44, 109, 151]: «Редко древний человек лесов отправлялся к далекой кирхе, где и о его душе проявляли заботу. Лишь в великие праздники и святые дни далекий труженик добирался туда из своих пустынных краев и по возвращению рассказывал о божьем агнце, который платит за грехи мира» [Ibid., s. 246–247]. У каждого человека лесов были свои охотничьи уголья, где только он мог расставлять ловушки. Чтобы охотиться за хитрой лисой или коварной росмахой, надо было избавляться от человеческого духа, и он натирал одежду тлеющей еловой веткой. Лучшей музыкой для человека лесов были голоса лесных птиц и зверей, древняя чаща взирала на путника взглядом старого доброго друга. Он и лес составляли единое природное мироздание, находили общий язык, хотя и приносили друг другу немало горя. Но таков закон природы, сильный съедает слабого. Пощады не было, и ее не просили. Милостью для слабого было умение быстро бегать и укромно прятаться. Но с каким уважением человек лесов относился к лесным духам... Он никогда не останавливался на привал, не испросив у них разрешение. И какой невероятный труд был вложен в расчищенные им каменистые поля — лишь топор, хилая лопата, мотыга и несгибаемая воля были помощниками, когда он вгрызался во мрак древней пущи [Paulaharju, 1937, s. 88, 89, 96, 128]. Ожидавший дома женский люд шил для охотника теплую одежду, меховые шапки и рукавицы, а если были босы ноги, то лесной обитатель набивал обувь мхом — и не страшен был мороз. Надо было зимой незаметно пройти по соседским владениям — хитрый охотник «шел медведем», на карачках. Сосед потом удивлялся, почему следы зверя неожиданно обрывались там, где начиналась голая земля. Могила у кирхи была неуютна для лесного героя. Последнее пристанище он находил в близне сугробов, под синевой небосвода, простиравшегося над родными урочищами [Paulaharju, 1939, s. 177, 195, 196, 245].

В описаниях этнографа С. Паулахарью *metsien mies* манифестирует исконность финской природы, самим своим присутствием на неосвоенных географических маргиналиях человек лесов собирает пространство воедино. Поэтому человек лесов — это и финский обитатель шведской Руйи, и лопарь, хотя и видны в его сейдах дряхлые следы поклонения «москвитским богам и святым Трифонам» [Paulaharju, 1928, s. 211, 460, 461, 503].

Лопари стали осваивать чудо цивилизации — страхование имущества. Поджег лопарь берестяное жилище и пришел в контору. Погорел, хочу получить деньги. Что у тебя сгорело? Чум, почти новые сани сгорели, веер из орлиных перьев для раздувания огня. Дали ему марку-другую. На следующий день появляется другое дитя природы. У тебя-то что сгорело? А я завтра подпалю. Уже редко встречаются в Лапландии колдуны, знающие шаманское слово на каждый недуг [Paulaharju, 1923, s. 36; 1922, s. 157], а без завораживающего набата бубнов наивные лопари достойны лишь второстепенных ролей. Полноценно образу героя соответствует познавший суть цивилизации первопроходец-финн. Эпическим равнодушием наполнено осознание им того, что *где-то там*, вниз по течению реки, в городах, суетятся богачи мира *сего/того*:

«Реки направляли первопроходца в девственные дебри, а также показывали ему путь к землям вниз по течению. По рекам происходило все летнее движение. “Дорога” связывала обитателя нетронутых лесов с внешним миром, зачастую была его единственным товарищем в одиночестве пущи. Из далекой глуши она приносила вести, постоянно пребывая в движении и направляя свой путь на далекий юг, где суетились мирские богачи. По ней и человек лесов время от времени доставлялся на своей лодке или плоту вниз по течению, подчас, на безумной скорости пролетая пенящиеся пороги. В нижнем ее течении радостно шмыгали в родной стихии водные обитатели, рожденные тихими прозрачными заводьями тундры. Они вырастали в могучую силу, которая устремлялась к бесчисленным порогам и водопадам, где сердито плескалась и кряхтела. Порой доносился буйный рев впавшего в безумную ярость косолапого охотника, а весь вековой лес это слышал и дрожал» [Paulaharju, 1923, s. 7–8].

При переводе нагромождение сложносоставных конструкций пришлось разобрать на отдельные предложения. В последней части описания поэтическая проза С. Паулахарью, подобно речной стремнине, буквально бурлит завихрениями сложноуправляемого порядка слов и смыслов.

У.Т. Сирелиус обучал студентов азам полевой работы: «Чтобы сделать фотографии старых ловушек, отправил он одного старика в ближайший лес построить силки, описание которых только что было сделано. Дед пошел, и на следующий день я смог сопровождать своего руководителя на место съемки. У тропы вскоре нашлись указанные дедом [ловушки]. Но что же произошло?.. Профессор ткнул крюком своей палки в ловушку, развалив ее, и сказал сердито, что это сделано неправильно. “Так, понарошку же сделано”, объяснил дед. Однако Сирелиус построил новые ловушки — настоящие» [Vilkuna, 1925/1969, s. 91]. Для обитателя рунеберговских охотничьих угодий было странным симулирование знаковости. Актуализация мифологемы человека лесов должна была иметь более существенную причину, нежели научное любопытство. Примечательно время опубликования монографий С. Паулахарью для массового читателя. Героизация первопроходничества в общественно-политических контекстах 1920–1930-х гг. была сродни советскому курсу первых пятилеток, идеологической контртезисом ему. Человек лесов манниненского стихотворения ушел на Север. *Откуда-то оттуда*, с пределов Севера, начинается течение река, лишь там возможна безусловная полнота контрсемиотического владычества над пространством. Но вдруг течение приносит *оттуда* весть, что чья-то воля пробилась путь еще дальше, а значит, и север не Север, и ведовские претензии первопроходца пусты. Переживаемое человеком лесов в откровении великофинляндца М. Кууси: «Сознательный уход Советской России от цивилизации Западной Европы стало деянием в масштабе мировой истории. Миллионы человеческих жертв не могут умалить ужасающе гениальное величие и целесообразность происходящего. “Завтрашнего дня” в Москве больше, чем, возможно, в каком бы то ни было другом современном центре Европы» [Kuusi, 1936/1989, s. 197]. Слова середины 30-х были воспроизведены в сборнике эссе, готовившемся во второй половине 80-х. Издание было прижизненным для академика, несущественное не могло в нем прозвучать.

Стадный дискурс квазисословности

Во время оккупации Петрозаводска белофинны, ознакомившись с архивными материалами, к своему удивлению обнаружили, насколько идейно близки им были «красные» соплеменники проводившейся в Советской Карелии 1920–1930 гг. политикой сегрегации по национальному признаку. Под влиянием «финнизации» карелы меняли традиционные русские фамилии на финские, молодежь отдельно от русских проводила комсомольские собрания и т.д. и т.п. (см.: [Renvall, 1944; Клементьев, 2003, с. 198–202]). Активисты проигравшей стороны конфликта 1918 г. бежали в Советскую Россию и возглавили Карелию, чтобы использовать ее в качестве плацдарма для создания Советской Республики Скандинавии (Skandinavian Neuvosto-Tasavalta). В меморандуме конца 1919 г. Э. Гюллинг излагал: «Красная Коммуна Карелии станет великозначимой в революционизировании Финляндии. (...) Географически Карелия является частью Скандинавии. В то же время, своими северными территориями она очень близка к Швеции, Норвегии и Финляндии. Это стратегический плацдарм в революционизировании Скандинавии. Оттуда можно напрямую заниматься революционной деятельностью против всех этих государств. Туда можно было бы собрать товарищей из этих стран с целью обучения для руководящих должностей или непосредственной военной деятельности» (цит. по: [Tigerstedt, 1943, s. 30]).

В одном из первых номеров журнала «Пчела» («Mehiläinen»), издававшегося Э. Леннротом, опубликована загадка: «Краснушка, красная корова, легкий рог, гибкая спина, бежала сквозь

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема *первопроходца* финской метагеографии

лесистые проливы, по урочищам металась». Э. Леннрот поясняет: «Punikki/Краснушка — это лыжа; красная — это смоленая; корова — это странствующая в глухом лесу; легкий рог — это остроконечная, гибкая спина — это (лыжа) с хорошим прогибом, дугообразная посередине; бежала — это бежала (лыжа)» [Lönnrot, 1836].

В войне 1918 г. «красные» и «белые» определили друг друга как *lahtarit*, мясники, и *punikit*, краснушки. *Punikki* — распространенная коровья кличка с собирательным смыслом; *буренка* по-русски. Участники противостояния в массе своей имели смутное представление о марксистской теории. *Tuöväki*, рабочий люд, имеет двойственный смысл. *Väki*, масса-население, люди, в ритуальной практике означает бесстатусную магическую силу, «людей», нуждающихся в постоянном целеполагании и предназначенных для медиативной роли «носителей информации» [Survo, 2001, s. 27]. Традиционная логика разрешения проблем социальной экологии нашла выражение в семиотической нетождественности элементов оппозиции *lahtari*, мясник/*punikki*, краснушка. Оппозиция содержит целый набор коннотаций, маркирующих границы культурно-идеологического пространства (*культура/природа*, *человек/природа*, *человеческое/нечеловеческое* и т.д.). Внешняя иерархичность противопоставления связана со спецификой семиотических режимов означивания. Мифологема *punikki-охотник* отсылает к доаграрной, охотничьей культуре [Суво, 2015, с. 131–133].

Полный финноязычный перевод первого тома «Капитала» был издан только в 1918 г., а появившийся в 1905 г. журнальный перевод «Манифеста Коммунистической партии» отдельными брошюрами издавался как «Коммунистический манифест». Внутриэтническая борьба за место в квазисловной иерархии не нуждалась в чужеродной партийной дефиниции. Архаика поведенческих моделей охотника была близка и селянам, и их соседям, недавно пополнившим городской рабочий люд. Взаимное клеймение в стадном дискурсе конфликта коррелировало с первопроходческой амбициозностью «красного» и «белого» изводов Великой Финляндии. Встреча оппонентов в снежных лесах 39-го года была предопределена взаимными ожиданиями. Белофинны оказались поэтически мотивированнее.

Между здесь и там

В 1919 г. С. Паулахарью издал сборник этнографических эссе «Зарисовка оттуда, другая отсюда со всей Великой Финляндии». На обложке книги мальчик и девочка стоят на древней скале и замороженно всматриваются в бескрайние просторы великого будущего Финляндии. Переиздание сборника было связано с уходом ученого [Paulaharju, 1919, 1944]. Однако присутствовала и иная причина тому, что память исследователя было решено почтить именно этим трудом.

Слово *kuva* названия книги имеет множество значений: картин(к)а, фото, рисунок, изображение, иллюстрация, скульптура, изваяние, образ, фигура в карточной игре, представление и даже — манок, чучело. Этнографические наблюдения многогранны, коннотации слова *kuva* ситуативны. *Kautta Suur-Suomen* имеет неоднозначное звучание *через всю Великую Финляндию, по всей Великой Финляндии*, но поскольку речь идет о происхождении зарисовок, их объектах, то — *со всей Великой Финляндии*, что, впрочем, все равно не совсем точно. Вступительное слово М. Хаавио помогает лучше понять смысловые оттенки: «“Зарисовка оттуда, другая отсюда со всей Великой Финляндии” не является единой, строго продуманной книгой в сравнении с другими трудами Самули Паулахарью, структуре которых он уделял много внимания. Но можно признать, что многие зарисовки книги подобны небольшим, легким акварелям, на которых несколькими искусными движениями кисти завораживающе явлено все то, что необходимо, чтобы иллюзия навсегда ушедшего прошлого была совершенной» [Haavio, 1944, s. 7].

М. Хаавио, известный исследователь народной поэзии, служил фронтовым корреспондентом в оккупированной части Советской Карелии. Работа политработника предполагала скрупулезное отношение к текстам, и не может быть случайностью, что при переиздании книги слово *tuolta* ‘оттуда (о видимом пространстве)’ в названии было заменено на *sieltä* ‘[откуда-то] оттуда (более отстраненный смысл; о невидимом пространстве)’.

Согласно требованиям военной цензуры, в корреспонденции запрещалось указывать конкретные данные о местоположении частей. Сведения о локализации фронтовых адресантов ограничивались фразой *täältä jostakin, отсюда откуда-то*, но зато обеим сторонам переписки предоставлялась автокоммуникативная возможность ощутить символическое присутствие в далеких для них событиях, вопреки расстояниям происходивших *где-то здесь*. *Здесь* писалось письмо, дома написанное *где-то здесь* — читалось, *отсюда же* приходил ответ *куда-то сюда*.

Переиздание великофинляндских акварелей С. Паулахарью прозвучало реквиемом по несбывшимся экспансионистским ожиданиям. Война заканчивалась, местоположение *где-то здесь* неумолимо превращалось в *где-то там*, великофинляндское пространство сворачивалось, утрачивало видимые очертания, и о его зарисовках имело смысл говорить лишь отстраненно: *sieltä, откуда-то оттуда*.

Разворачивание мифа

Рунеберговский король Фьялар решает оставить ратный труд, чтобы строить идеальный мир без войн и насилия. Произносится клятва, и тут же является толкователь судьбы: претензия на право богов будет наказана позором кровосмешения. В попытке предотвратить предреченное, Фьялар повелевает бросить малолетнюю дочь в морскую пучину. Ойгонна все же спасается и воспитывается в королевстве Мораннала. Три его сына добиваются сердца девушки, но она отвергает их в ожидании достойного суженого. Первым сватается старший королевич:

«Kom Oihonna, mig följ i lifvet,
Jägarn älskar dig, rosiga sky!
Höga fjällarnas furste
Ber dig dela hans banors lust»
[Runeberg, 1844, s. 25].

«Ты мой рассветный луч, Ойгонна,
Охотник полюбил тебя!
Властитель гор высоких
просит стать ему невестой»
[Рунеберг, 1844/2004а, с. 132].

В итоге судьба сводит Ойгонну с ее собственным братом; суд богов свершается.

В первом финноязычном переводе поэмы старший королевич остался охотником, благородным властителем гор [Runeberg, 1876, s. 14]. Слово *metsämies*, *охотник*, буквально означает *лесного человека, лесочеловека*, но оно обычно для повседневной речи и в рассматриваемом контексте не содержит значимой метафоричности. Очередной перевод был исполнен Э. Лейно, в результате беседы с которым появилось стихотворение О. Маннинена. В поэме Э. Лейно поменял *охотника на metsien mies, человека лесов, а властителя гор — на ruhtinas tunturein, тундр властителя* [Runeberg, 1909, s. 216]:

«Seuraa kanssani, ruskopilvyt,
rakastaa sua metsien mies!
Sulle retkeensä riemut
tarjoo ruhtinas tunturein».

«Следуй со мною, марево рассвета,
любит человек лесов тебя!
Тебе радость своих странствий
предлагает тундр властитель».

Изданием на финском многотомника «Трудов» Й.Л. Рунеберга, новыми переводами, качественно иной и полномасштабной интерпретацией произведений финско-шведского классика делалась заявка на существование полноценной финской писательско-читательской аудитории, считавшейся критиками *imaginär publik*. В наделении старшего королевича качествами человека лесов к тому же присутствует намек на неактуальность для финляндской культуры истоков и параллелей рунеберговского оригинала (см.: [Дорофеева, 2006]).

Первое письменное упоминание финнов, *Phinni*, относится к XII в. В адресованных Папе Римскому посланиях о распространении христианского учения о Финляндии, *Findia*, говорилось, что она расположена на самом краю света у Рифейских гор (см.: [Rantanen, 1997, s. 23]). Финское название легендарных *Ripeät vuoret* буквально означает *Ретивые, Быстрые, Живые, Прозорные горы*. В смысловом пространстве манниненского стихотворения пафос «Короля Фьялара» оказывается избыточным и утрачивает смысл: мотив возможного брака старшего королевича с безродной девицей более чем достаточен для сюжетной коллизии. (Мета)география оригинала также неактуальна. Финны не скандинавы, их мифология в лесах, в крайних же пределах доаграрного мифосозерцания — просторы тундры. Контуры Фенно-Скандии легитимизировали производство стереотипов об исключительной принадлежности Финляндии к «западной» цивилизации и в то же время позволяли конструировать великое прошлое, используя наследие «соплеменников». Перекодировка поэмы сопутствовала динамике освоения метагеографического пограничья, целеполагание *человека лесов* в итоге ознаменовалось великофинляндскими эпопеями. Эндогамный мотив поэмы трансформировался в культурно-идеологические доминанты финно-угорского родства в племенной идее *heimoaate* и троцкистского революционирования Скандинавии. В новом переводе рунеберговского текста властитель гор стал властителем тундры, которого ждали тропы воинственных бьярмицев, удостоившихся в поэме лишь второстепенного упоминания.

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема первопроходца финской метагеографии

Скандинавские скалы слишком мелки и знакомы, чтобы будоражить воображение динамикой неведомого пограничья. Метагеографическим контрапунктом вековечных лесов, расположенных по сю сторону ледяной тундры, могли быть только настоящие горы, Уральские. Императив постижения метагеографии Севера был сформулирован в известном стихотворении М. Кууси «Призыв Урала», название которого цензура поменяла на более нейтральное «Призыв гор» [Kuusi, 1935, s. 90–93]:

«Врата Атиллы вновь раствори, выкуй путь чингизханов,
высвободи проклятая заходящей Европы, триумф угорских снов воплоти!
Проказу покорности смой с души, батрачества разрушь следы,
призови из бездны здоровую сталь, варваров мощную кровь!
И когда Север слово свое скажет однажды, когда пеплом станут Запада страны,
волки Суоми пусть правят снегами или князя Ледовитого океана!»

Мифологема умолчаний

М. Кууси рассматривает фольклорные параллели манниненского стихотворения и в итоге приходит к осмыслению исторических событий: «“Человек лесов” — это стихотворение о каждом, о тебе и обо мне, о ком угодно. Это стихотворение о чем-то, что продолжает свое подпольное существование в нас, любующихся картинками “дикого запада”, читающих романы о дальних путешествиях, страстно наблюдающих за боксерскими поединками. “Человек лесов” не какой-то лагерквистовский Варавва. Он варвар по своей сути — не притворно колеблющийся между добром и злом современный человек, но первобытное существо по ту сторону добра и зла: наполовину мечта, наполовину лесное божество войны. Стихотворение Отто Маннинена учит многому того, кто не поленился заглянуть под оболочку шероховатого стиля текста. Оно дает знание о человеке и осознание самого себя, говоря не только о прошлом Древней Суоми, но и об истории XX столетия. Оно не советует, как приручить убийцу, но оно показывает нам его лицо: что-то от нашего собственного лика» ([Kuusi, 1954]; см.: [Lagerqvist, 1950; Лагерквист, 1981]).

М. Кууси дает лишь обобщенную ретроспективу. Плоды прикладного ницшеанства представлены «Чудовищными злодеяниями финско-фашистских захватчиков», искажениями исторических документов и причудливыми мартирологами, в алфавитной наивности которых соседствуют квазисловесные амбиции и их жертвы [Чудовищные злодеяния..., 1945; Книга памяти..., 2010; Сурво, 2011].

Эталон поэтической контрсемиотики окружен молчанием ни о чем. Мифологема служит мыслеотделительным знаком пределов метагеографии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М.М.* Человек у зеркала [1943] // М.М. Бахтин. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 733 с. С. 71.
- Дорофеева Е.А.* Поэма Й.Л. Рунеберга «Король Фьялар» и скандинавская романтическая традиция // Скандинавские чтения 2004 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Сост. Т.А. Шрадер, И.Б. Губанов; Отв. ред. В.Е. Возгрин, Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 300–309.
- Клементьев Е.И.* Языковые процессы в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 197–207.
- Книга памяти финнов, репрессированных за национальную принадлежность в СССР* / Сост. Л.А. Гильди, М.М. Браудзе. СПб.: Гйоль, 2010. Т. 1. 656 с.
- Лагерквист П.* Варавва [1950] / Пер. со швед. Е. Суриц // Пер Лагерквист. Карлик: Роман; Повести; Рассказы / Сост. Т. Величко, В. Мамонова; Ред. С. Белокрицкая, Н. Федорова; Пер. с швед. В. Мамонтовой и др.; Предисл. В. Неустроева. М.: Прогресс, 1981. 444 с. (Мастера современной прозы. Швеция).
- Линна В.* Здесь под северной звездой: Роман [1959] / Пер. с фин. В. Богачева; Послесл. И. Марциной. М.: Изд-во иностр. литературы, 1963. 487 с.
- Маннинен О.* Пустынножитель лъсовъ / Пер. В. Ивановъ // Сборник финляндской литературы / Подъ редакцией В. Брюсова, М. Горькаго. Петроградъ: Парусъ, 1917. С. 468. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://vyach.ivanov.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10653>.
- Михайловский А.В.* Миф, история, техника: Размышления Эрнста Юнгера у «стены времени» // История философии. 2010. № 15. С. 57–81. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://iphras.ru/page21483596.htm>.
- Моисеев А.И.* Из истории пунктуации: Молчанка-черта-черточка-тире // Рус. речь. 1989. № 1. С. 54–58.
- Рунеберг Й.Л.* Король Фьялар / Пер. В. Дорофеева // Й.Л. Рунеберг. Избранное: Лирика (с параллельным шведским текстом). «Сказания Фенрика Столя» (отдельные баллады). «Король Фьялар». Критические

А.А. Сурво

статьи. Письма / Пер. со швед. В. Дорофеева, Е. Дорофеевой; Сост., вступ. ст. и коммент. Е. Дорофеевой. СПб.: Коло, 2004а. С. 119–176.

Рунеберг Й.Л. О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края [1832] / Пер. Я. Грота // Там же. 2004б. С. 179–193.

Сурво А. Периферийные тексты культуры как актуальные исторические источники // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2011. Вып. 6. С. 115–122.

Сурво А. Семиотические режимы финляндских дискурсивных практик: О национальном романтизме без романтики // Ежегодник финно-угорских исследований = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2015. Вып. № 4. С. 124–138. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://finno-ugry.ru/files/1303170455.pdf>.

Таркйайнен В. Очерк истории финляндской литературы XIX и XX вв. // Сборник финляндской литературы. Петроградъ: Парусъ, 1917. С. 32–90.

Цивьян Т.В. Отгадка в загадке: Разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 178–194.

Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов / Сост. С. Сулимин, И. Трускинов, Н. Шитов. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1945. 304 с.

Юнгер Э. Сердце искателя приключений. Вторая редакция: Фигуры и каприччо [1938] / Пер. с нем. А. Михайловского. М.: Ad Marginem, 2004. (Серия «Спутник»). 288 с.

Haavio M. Alkusanat [Вступительное слово] // S. Paulaharju. Kuva sieltä, toinen täältä kautta Suur-Suomen. Toinen painos. Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 1944. S. 5–7.

Karhu H. Säkeiden synty. Geneettinen tutkimus Otto Mannisen runokäsikirjoituksista [Исследование генезиса поэзии Отто Маннинена на основе его рукописей]. Helsinki: Yliopistopaino, 2012. 324 s.

K.B. Neljä vuotta Suomen kirjallishistoriasta. I [Четыре года из истории литературы Финляндии. I] // Kirjallinen Kuukauslehti. Helmikuu, 1870. № 2. S. 25–29.

Kuusi M. Runon ja raudan kirja [Книга руны и железа]. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1935. 93 s.

Kuusi M. Otto Mannisen «Metsien mies» // Kalevalaseuran vuosikirja. 34. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1954. S. 109–115.

Kuusi M. Møykkyjä ja neulasia. Helsinki: Art House OY, 1989. 205 s.

Köiva M. Virolaiset dialogiloitsut [Эстонские заклинания-диалоги] // Kansa parantaa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1983. (Kalevalaseuran vuosikirja 63). S. 217–224.

Lagerqvist P. Barabbas. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1950. 205 p.

Linna V. Täällä Pohjantähden alla. 1–3 [Здесь под Полярной звездой]. Porvoo: WSOY, 1959–1962. 459 s.; 525 s.; 543 s.

Lyly P. Otto Manninen // Suomen kirjallisuus VI: Otto Mannisesta Pentti Saarikoskeen [Литература Финляндии. VI: От Отто Маннинена до Пентти Саарикоски]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1967. S. 20–47.

[Lönnrot E.] Suomen kansan Arwutuksia [Загадки народа Суоми] // Mehiläinen. Turusa: Präntätty Christian Ewert Barckin tykönä, V. 1836 Huhtikuulta. S. 14. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/500223?page=14&term=Punikki>.

Manninen O. Metsien mies // Valvoja. Kahdeskolmatta vuosikerta. XI vihko, marraskuu 1902. S. 680–681.

Manninen O. Säkeitä [Искры]. Porvoo: WSOY, 1905. 108 s.

O.H. Säkeitä. Dikter af O. Manninen // Euterpe. 1905. N 43–46. S. 457–460.

Paulaharju S. Kuva tuolta, toinen täältä kautta Suur-Suomen. Helsinki: Kirja, 1919. 365 s.

Paulaharju S. Lapin muisteluksia [Лапландские заметки]. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Kirja, 1922. 271 s.

Paulaharju S. Wanhaa Lappia ja Peräpohjaa [О бытности Лапландии и Перяпохья]. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Kirja, 1923. 316 s.

Paulaharju S. Ruijan Suomalaisia [Финны Руйи]. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Kirja, 1928. 556 s.

Paulaharju S. Suomenselän wieriltä [С окраин Суоменселки]. Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 1930. 259 s.

Paulaharju S. Kiveliöitten kansaa. Pohjois-Ruotsin suomalaisseuduilta [Народ нетронутых лесов. С финских краев северной Швеции]. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1937. 385 s.

Paulaharju S. Sompio. Luiron korpien vanhaa elämää [Сомпио. Пржежня жизнь чащб Луйро]. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1939. 300 s.

Paulaharju S. Kuva sieltä, toinen täältä kautta Suur-Suomen. Toisen painos. Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 1944. 219 s.

Rantanen P. Suolatut säkeet: Suomen ja suomalaisten diskursiivinen muotoutuminen 1600-luvulta Topeliukseen [Язвительные вирши. Дискурсивное формирование Финляндии и финляндцев с XVII века до Топелиуса]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 690). 250 s.

Renvall P. Neuvosto-Karjalan suomalaisuuden kriisin alkuvaiheista [О начальном периоде кризиса фин(лянд)скости Советской Карелии] // Historiallinen Aikakauskirja. Neljäskymmenes vuosikerta. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1944. S. 77–106.

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема первопроходца финской метагеографии

Runeberg J.L. Idyll och Epigram [Идиллии и эпиграммы] // Dikter af Johan Ludvig Runeberg [Стихи Й.Л. Рунеберга]. Helsingfors: Tryckta hos G.O. Wasemnius, 1830. S. 105–126.

[*Runeberg J.L.*] Fjalar Kuningas, Runoelma Viidessä laulussa, Johan Ludvig Runeberg'iltä / K. Kiljander'in suomentama. Kuopio: Suomentajan kustannuksella Paino-yhtiön kirjapainossa, 1876. 61 s.

Runeberg J.L. Kuningas Fjalar // Johan Ludvig Runebergin Teokset / Uusi suomennos, jonka ovat toimittaneet Juhani Aho, Paavo Cajander, Arvi Jännes, Eino Leino, O. Manninen ja Alpo Nojonen. II nidos: Joululta. Nadeshda. Runoja III. Vanhan puutarhurin kirjeitä. Kuningas Fjalar. Värikki Stoolin tarinat. Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 1909. S. 201–266.

[*Runeberg J.L.*] Kung Fjalar, en dikt i fem sången, af Joh. Ludv. Runeberg. Borgå: P. Widerholm, 1844. 95 s.

Survo A. Magian kieli: Neuvosto-Inkeri symbolisena periferiana [Язык магии. Советская Ингрия как символическая периферия]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2001. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 820). 264 s.

Tarkiainen V. Pieniä muistoja Otto Mannisesta [Небольшие воспоминания об Отто Маннинене] // Mikkelin lyseo 1872–1947: Koulun 75-vuotisen toiminnan muistoksi / Julkaisseet entiset oppilaat. Helsinki: Karhu, 1948. S. 138–139.

Tigerstedt Ö. Vastavakoilu iskee. Suomen taistelu neuvostovakoilua vastaan 1919–1939 [Удар контрразведки. Борьба Финляндии против советского шпионажа в 1919–1939 годах]. Helsingissä: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1943. 274 s.

Vilkuna K. Opettajani Uuno Taavi Sirelius [Мой учитель Ууно Таави Сирелиус] // Kalevalaseuran vuosikirja 49. Porvoo-Helsinki: WSOY, 1969. S. 85–101.

Voigt V. More on Finno-Ugric Semiotics // Congressus XI Internationalis Fennougristarum: 11th International Congress for Fenno-Ugric Studies. Piliscsaba, Hungary, 09–14.08.2010. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2010. (Summaria acroasium in sectionibus). P. 270–273.

A.A. Survo

University of Tartu
Ülikooli, 18, Tartu, 50090, Estonia
E-mail: arno.survo@suomi24.fi

BJARMIAN TROPES OF POETRY PIONEER — A MYTHOLOGEME IN FINNISH METAGEOGRAPHY

The article analyzes origins and interpretations of a mythologeme *pioneer* in Finnish culture. Its literary origins are rooted in J.L. Runeberg's poems and O. Manninen's «The Woodsman» (1902). The hero leaves human society and enters a silent forest. He becomes the sole master of his domain. Suddenly, he sees wood chips carried along by the river. The woodsman travels far, to the upper reaches of the river, to get rid of the unwelcome neighbor: «he discover, strikes dead». This poem has indexical and laconic tropes as ancient incantatory formulas do. In the literary Finnish language, information space is structured according to the definition *kirjoitustaito*, an ability to write, and *lukutaito*, an ability to read. The definitions are taken from the traditional worldview in which *lukea* means to cast a spell, and *kirjoittaa* means to create an ornament. This cultural dichotomy determines quasi-social division between those who produce and consume texts. Nietzschean idea of Manninen's poem turns towards a traditional archetype, inseparability of the process of creation of a sign and its interpretation, «reading» and «writing». Literary code-switching of the image of a *pioneer* accompanied understanding of cultural and metageographical borders of Finland. Mythology of the woodsman is widely represented in the poetic prose of Samuli Paulaharju where history and ethnography are intertwined. The specificity of quasi-social division is reflected in the bjarmian tropes, discourses marking «red» and «white» Greater Finland.

Key words: mythologeme of the woodsman, traditional archetypes, metageography, Runeberg, Manninen, Greater Finland.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-106-117

REFERENCES

Bahtin M.M., 1997. Chelovek u zerkala [A man in front of the mirror]. *M.M. Bahtin. Sobranie sochineniy*: V 7 t. T. 5 [M.M. Bahtin. Collected works: In 7 vol. Vol. 5], Moscow: Russkie slovari, p. 71.

Civ'jan T.V., 1994. Otgadka v zagadke: Razgadka zagadki? [The key inside the riddle: The answer to the riddle?]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kultury: Zagadka kak tekst* [Studies in the field of the Balto-Slavic spiritual culture: A riddle as a text], vol. 1, M.: Indrik, pp. 178–194.

Dorofeeva E.A., 2006. Poema J.L. Runeberga «Korol' Fjalar» i skandinavskaya romanticheskaya tradiciya [J.L. Runeberg's poem «King Fjalar» and romantic tradition of Scandinavia]. *Skandinavskie chteniya 2004 goda: Etnograficheskie i kulturno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Readings — 2004: Ethnographic, cultural and historical aspects], St. Petersburg: MAE RAN, pp. 300–309.

A.A. Сурво

- Giljdi L.A., Braudze M.M., 2010, (ed.). *Kniga pamyati finnov, repressirovannyh za nacional'nuju pri-nadlezhnost' v SSSR* [Memory book of the Finns who were repressed for ethnical identity in the USSR], vol. 1, St. Petersburg: Gjol', 656 p.
- Haavio M., 1944. Alkusanat [The opening words]. *S. Paulaharju. Kuva sieltä, toinen täältä kautta Suur-Suomen*. Toinen painos [A picture from there, another here through the Greater Finland. Second edition], Porvoossa: WSOY, pp. 5–7.
- Junger E., 2004. *Serdce iskatelya priključenij. Vtoraya redakciya: Figury i kaprichcho* [The Adventurous Heart. Second edition: Figures and Capriccios. Transl. by A. Mihailovskij], Moscow: Ad Marginem, 288 p.
- Karhu H., 2012. *Säkeiden synty: Geneettinen tutkimus Otto Mannisen runokäsikirjoituksista* [Genesis of the Verses. Genetic research on the manuscripts of Otto Manninen], Helsinki: Yliopistopaino, 324 p.
- K.B., 1870. Neljä vuotta Suomen kirjallishistoriasta. I [Four years of the Finnish Literature. I]. *Kirjallinen Kuukauslehti*, vol. 2, pp. 25–29.
- Klementjev E.I., 2003. Jazykovye processy v XIX–XX vv. [Linguistic processes in the nineteenth and twentieth centuries]. *Pribaltijsko-finskie narody Rossii*, Moscow: Nauka, pp. 197–207.
- Kuusi M., 1935. *Runon ja raudan kirja* [Book of verse and iron], Porvoo; Helsinki: WSOY, 93 p.
- Kuusi M., 1954. Otto Mannisen «Metsien mies» [Otto Manninen's «The Woodsman»]. *Kalevalaseuran vuosikirja*, vol. 34, Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, pp. 109–115.
- Kuusi M., 1989. *Möykkyjä ja neulasia* [The lumps and needles], Helsinki: Art House OY, 205 p.
- Kõiva M., 1983. Virolaiset dialogiloitsut [Estonians dialogical incantations]. *Kansa parantaa*, Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura (Kalevalaseuran vuosikirja), 63, pp. 217–224.
- Lagerqvist P., 1950. *Barabbas*, Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 205 p.
- Linna V., 1959–1962. *Täällä Pohjantähden alla* [Here, Beneath the North Star], vol. 1–3, Porvoo: WSOY, 459; 525; 543 p.
- Lyly P., 1967. Otto Manninen. *Suomen kirjallisuus* [Finnish Literature], vol. VI, Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, pp. 20–47.
- [Lönnrot E.], 1836. Suomen kansan Arwutuksia [Riddles of the Finns]. *Mehiläinen*, Turusa: Präntätty Christian Ewert Barckin tykönä, Huhtikuulta, p. 14.
- Manninen O., 1902. Metsien mies [The Woodsman]. *Valvoja*, vol. XI, pp. 680–681.
- Manninen O., 1905. *Säkeitä* [Sparks], Porvoo: WSOY, 108 p.
- Manninen O., 1917. *Pustynnozhitelj lesov* [The Forest Hermit. Transl. by V. Ivanov]. *Sbornik finljandskoj literatury*, Petrograd: Parus, p. 468, available at: <http://vyach.ivanov.pushkinskijdom.ru>.
- Mihajlovskij A.V., 2010. Mif, istoriya, tehnika: Razmyshleniya Ernsta Jungera u «steny vremeni» [Myth, history, technique: Ernst Junger's reflection near the «time wall»]. *Istorija filosofii*, vol. 15, pp. 57–81, available at: <http://iphras.ru/page21483596.htm>.
- Moiseev A.I., 1989. Iz istorii punktuacii: Molchanka-cherta-chertochka-tire [From the history of punctuation: Break-line-hyphen-dash]. *Russkaja rechj*, vol. 1, pp. 54–58.
- O.H., 1905. Säkeitä. Dikter af O. Manninen [Sparks. Poetry by O. Manninen]. *Euterpe*, vol. 43–46, pp. 457–460.
- Paulaharju S., 1919. *Kuva tuolta, toinen täältä kautta Suur-Suomen* [Picture from that, another here through the Greater Finland], Helsinki: Kirja, 365 p.
- Paulaharju S., 1922. *Lapin muisteluksia* [Essays about Lapland], Helsinki: Kirja, 271 p.
- Paulaharju S., 1923. *Wanhaa Lappia ja Peräpohjaa* [Former Lapland and Peräpohja], Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Kirja, 316 p.
- Paulaharju S., 1928. *Ruijan Suomalaisia* [Ruija's Finns], Helsinki: Kirja, 556 p.
- Paulaharju S., 1930. *Suomenselän wieriltä* [From the outskirts of Suomenselkä], Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 259 p.
- Paulaharju S., 1939. *Sompio. Luiron korpien vanhaa elämää* [Sompio. Old life of Luiron's unspoiled forests], Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 300 p.
- Paulaharju S., 1944. *Kuva sieltä, toinen täältä kautta Suur-Suomen*. Toinen painos [Picture from there, another here through the Greater Finland. Second edition], Porvoossa: WSOY, 219 p.
- Rantanen P., 1997. *Suolatut säkeet: Suomen ja suomalaisten diskursiivinen muotoutuminen 1600-luvulta Topeliukseen* [Vitriolic Verses: The discursive formation of Finland and the Finns from the seventeenth century to the end of the nineteenth century], Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 690), 250 p.
- Renvall P., 1944. Neuvosto-Karjalan suomalaisuuden kriisin alkuvaiheista [Finnishness of Soviet Karelia: The early stages of the crisis]. *Historiallinen Aikakauskirja*, Neljäskymmenes vuosikerta, Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1944, pp. 77–106.
- Runeberg J.L., 1830. Idyll och Epigram. *Dikter af Johan Ludvig Runeberg* [Lyrics by J.L. Runeberg], Helsingfors: Tryckta hos G.O. Wasemnius, pp. 105–126.
- Runeberg J.L., 1844. *Kung Fjalar, en dikt i fem sången, af Joh. Ludv. Runeberg* [King Fjalar, a poem in five songs, by Joh. Ludv. Runeberg], Borgå: P. Widerholm, 95 p.
- Runeberg J.L., 1876. *Fjalar Kuningas, Runoelma Viidessä laulussa, Johan Ludvig Runebergiltä* [King Fjalar], K. Kiljander'in suomentama, Kuopio: Suomentajan kustannuksella Paino-yhtiön kirjapainossa, 61 p.

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема первопроходца финской метагеографии

Runeberg J.L., 1909. Kuningas Fjalar. Suom. Eino Leino [King Fjalar]. *Johan Ludvig Runebergin Teokset*, vol. II, Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, pp. 201–266.

Runeberg J.L., 2004a. Korol' Fjalar [King Fjalar]. *J.L. Runeberg. Izbrannoe* [Favorites. Transl. by V. Dorofeev, E. Dorofeeva], St. Petersburg: Kolo, pp. 119–176.

Runeberg J.L., 2004b. O prirode finljandskoj, o nrvah i obraze zhizni naroda vo vnutrennosti kraya [On the nature of Finland, on the customs and lifestyle of the people in Saarijärvi parish]. *J.L. Runeberg. Izbrannoe* [Favorites. Transl. by V. Dorofeev, E. Dorofeeva], St. Petersburg: Kolo, pp. 179–193.

Sulimin S., Truskinov I., Shitov N., 1945, (ed.). *Chudovishhnye zlodeyaniya finsko-fashistskih zahvatchikov na territorii Karelo-Finskoj SSR: Sb. dokumentov i materialov* [Atrocities of the Finnish-Fascist invaders in Karelian-Finnish SSR: Collection of documents and materials], Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoj SSR, 304 p.

Survo A., 2001. *Magian kieli: Neuvosto-Inkeri symbolisena periferiana* [Magical Language: Soviet Ingria as a Symbolic Periphery], Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 820), 264 p.

Survo A., 2011. Periferijnye teksty kul'tury kak aktual'nye istoricheskie istochniki [Peripheral texts of culture as relevant historical sources]. *Istoricheskoe proizvedenie kak fenomen kul'tury*, 6, Syktyvkar: Izd-vo SyktGU, pp. 115–122.

Survo A., 2015. Semioticheskie rezhimy finljandskih diskursivnyh praktik: O nacional'nom romantizme bez romantiki [Semiotic Modes of Finnish Discourse Practices: About National Romanticism without Romanticism]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, vol. 4, pp. 124–138, available at: <http://finno-ugry.ru/files/1303170455.pdf>.

Tarkiainen V., 1917. Oчерк istorii finljandskoj literatury XIX i XX vv. [Essay about the history of the Finnish literature of the nineteenth and twentieth centuries]. *Sbornik finljandskoj literatury*, Petrograd: Parus, pp. 32–90.

Tarkiainen V., 1948. Pieniä muistoja Otto Mannisesta [Small memories of Otto Manninen]. *Mikkelin lyseo 1872–1947: Koulun 75-vuotisen toiminnan muistoksi*, Helsinki: Karhu, pp. 138–139.

Tigerstedt Ö., 1943. *Vastavakoilu iskee. Suomen taistelu neuvostovakoilua vastaan 1919–1939* [Counter-espionage strikes. Finland's Fight Against Soviet Espionage 1919–1939, Helsingissä: Kustannusosakeyhtiö Otava, 274 p.

Vilkuna K., 1969. Opettajani Uuno Taavi Sirelius [My Teacher Uuno Taavi Sirelius]. *Kalevalaseuran vuosikirja*, vol. 49, Porvoo-Helsinki: WSOY, pp. 85–101.

Voigt V., 2010. More on Finno-Ugric Semiotics. *Congressus XI Internationalis Fennougristarum: 11th International Congress for Fenno-Ugric Studies. Piliscsaba, Hungary, 09–14.08.2010*, Piliscsaba: Reguly Társaság, pp. 270–273.